

КОНФИСКАЦИЯ КАК ИМУЩЕСТВЕННАЯ МЕРА КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Проводится анализ норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регулирующих конфискацию имущества. Рассматривается проблема определения правовой природы этой меры и предлагается собственный подход к ее решению.

Ключевые слова: конфискация; меры уголовно-правового характера; меры безопасности.

В результате внесения в УК РФ изменений и дополнений Федеральным законом от 5 июля 2006 г. конфискация имущества была возвращена в УК РФ в новом виде. В этой связи возникла необходимость в определении ее правовой природы. В юридической литературе по этому вопросу высказывались различные точки зрения.

Первая группа авторов утверждает, что данная мера по своей юридической природе является уголовно-правовой. Однако среди них нет единства относительно того, в какой форме конфискация должна существовать в уголовном законе. Некоторые утверждают, что она представляет собой уголовное наказание [1. С. 4 и др.]. Для оценки обоснованности этого подхода следует установить соответствие «новой» конфискации признакам уголовного наказания. При этом следует исходить не из любых, а именно из сущностных его свойств, к которым относятся: объективация наказания в мероприятии, государственный характер, возмездность, способность и направленность на вызывание страдания, выражение осуждения, способность быть лишением, ограничением [2. С. 103–126].

Бесспорно, что конфискации присущи некоторые из перечисленных признаков. Она выражается в действительности в определенной форме и носит государственный характер. Но остальные из перечисленных признаков ей не свойственны. В частности, она не обладает признаком возмездности, т.е. не назначается за совершенное преступление. Возмездный характер уголовного наказания, по справедливому утверждению А.Л. Ременсона, заключается в том, что «характеризуя наказание как возмездие, мы подчеркиваем, что уголовная репрессия может быть применена только за преступление и тяжесть ее должна соответствовать характеру и опасности содеянного, вине преступника, что наказание справедливо, заслуженно...» [3. С. 18]. Назначение конфискации как «иной меры уголовно-правового характера» не предполагает учета ни характера и степени общественной опасности деяния, ни личности виновного. Изъятие зависит только от установления преступного происхождения имущества либо признания его орудием совершения преступления или иным имуществом, указанным в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Иными словами, если имущество соответствует всем этим признакам, то оно подлежит изъятию в полном объеме. Следовательно, эта мера назначается не за преступление, а в связи с его совершением.

Конфискация в настоящее время не направлена на вызывание страданий (хотя и способна их причинять, когда речь идет о лишении и ограничении законных прав), а предназначена прежде всего для частной превенции путем лишения только тех прав лица, осуществ-

ление которых может привести к совершению преступления. К примеру, изъятие имущества, перечисленного в п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, направлено не на причинение страданий, а на предотвращение ряда преступлений против общественной безопасности посредством его использования (ст. 205, 205.1 УК РФ и др.).

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что конфискация ни по формальным признакам (отсутствие ее в ст. 44 УК РФ), ни по ее сути не является уголовным наказанием.

Другая группа ученых полагает, что конфискация имеет уголовно-правовую природу, но в качестве иной меры уголовно-правового характера [4. С. 60 и др.]. При этом они исходят из фактического ее закрепления в новом разделе УК РФ. Для определения правильности указанной позиции необходимо уяснить, что следует понимать под «иными мерами уголовно-правового характера». Рассматривая высказанные точки зрения по этому вопросу, можно констатировать, что в научной литературе ныне сложилось два подхода к их пониманию: «широкий» и «узкий» [5. С. 95]. Сторонники первого (В.М. Волошин, М.Р. Гета, В.И. Горобцов, И.Э. Звечаровский, С.И. Курганов и др.) относят к ним все или большинство принудительных мер, закрепленных в УК РФ. Сторонники второго (в частности, С.Г. Келина, А.К. Музеник, В.А. Уткин, В.Д. Филимонов и др.) – только формы реализации уголовной ответственности. Однако среди сторонников как «широкого», так и «узкого» подходов нет единства мнений по поводу того, какие именно меры следует относить к «иным».

Анализ имеющихся в литературе точек зрения в отношении иных мер уголовно-правового характера позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, к ним следует относить только те из них, которые по своей юридической природе органически связаны с методом уголовного права, имея в уголовном праве своего рода место «постоянной прописки» [5. С. 95]. К таковым относятся меры, которые связаны с реализацией уголовной ответственности. Таким образом, наиболее обоснованным представляется «узкий» подход к пониманию иных мер уголовно-правового характера. «Широкий» подход является менее обоснованным, поскольку он позволяет включать в сферу уголовно-правового регулирования меры, не свойственные уголовному праву по их правовой природе. Во-вторых, из положений Общей части УК РФ (ч. 2 ст. 2 и ч. 1 ст. 6 УК РФ) следует вывод о том, что «иные меры уголовно-правового характера» должны обладать признаком возмездности.

Исходя из этого, обоснованным представляется мнение В.А. Уткина о том, что «...предусмотренные

УК иные меры уголовно-правового характера во всяком случае должны предполагать осуждение виновного судом либо сохранение статуса осужденного. Эта позиция находит отражение и в нормах Уголовно-исполнительного кодекса. В соответствии со ст. 2, 3, 5–9 УИК РФ уголовно-исполнительное законодательство применяется в отношении осужденных либо в отдельных случаях – освобождаемых (а не освобожденных) от наказания. Правовой статус осужденного, помимо стадии реального исполнения наказания, сохраняется в течение испытательного срока при условном осуждении (ст. 73, 74 УК, гл. 24 УИК РФ); отсрочке отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей (ст. 82 УК, ст. 177–178 УИК); условно-досрочном освобождении (ст. 79)» [6. С. 9]. Остальные, перечисленные в УК РФ меры (например, принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера и конфискация), не соответствуют требованиям, предъявляемым к иным мерам уголовно-правового характера и, следовательно, к таковым не относятся.

Кроме того, очевидно, что законодатель отнес конфискацию к «иным мерам уголовно-правового характера» в спешном порядке, без должной научной проработки, не придавая серьезного значения как установлению круга этих мер, так и определению их правовой природы. Известно, что 24 марта 2006 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект, в соответствии с которым в российском законодательстве должна была вновь появиться конфискация имущества. Однако первоначально она предусматривалась не в уголовном, а в уголовно-процессуальном законодательстве. В частности, согласно п. 7 ст. 8 первоначальной редакции проекта Федерального закона № 282601-4 [7] УПК РФ предлагалось дополнить ст. 82.1 «Конфискация». На заседании Совета Государственной Думы 4 апреля 2006 г. было принято решение подготовить этот законопроект к рассмотрению 12 апреля 2006 г. Однако по непонятным причинам 10 апреля 2006 г. он был повторно внесен в Государственную Думу, но уже в ином виде. В его новой редакции появилось предложение переименовать Раздел VI УК РФ и дополнить его главой 15.1 «Конфискация имущества», в которую вошли по сути все те положения, которые ранее предлагалось внести в УПК РФ. Таким образом, меньше недели потребовалось законодателю на то, чтобы «пересмотреть» правовую природу этой меры. Принятое решение представляется в большей мере политическим. Известно, что исключение конфискации имущества из УК РФ в конце 2003 г. вызвало значительное недовольство общественности, хотя в УПК РФ оставалась так называемая «специальная» конфискация. Поэтому изменение в УПК РФ действующей меры не имело бы такого эффекта, который произвело бы ее возвращение в УК РФ. Стремление законодателя закрепить конфискацию именно в УК было продиктовано, на наш взгляд, стремлением придать ей больший «вес» в глазах общества. В свете сказанного, отнесение законодателем конфискации имущества к «иным мерам уголовно-правового характера» не представляется обоснованным, в том числе и потому, что это показало явную неразборчивость в определении ее правовой природы.

Вследствие того, что серьезного значения определению правовой природы «новой» конфискации придано не было, она «не вписалась» в структуру действующего УК РФ. Очевидно, что ее наличие в Разделе VI УК РФ противоречит целому ряду основных положений уголовного права, в том числе вины (ст. 5 УК РФ) и справедливости (ст. 6 УК РФ).

Изложенное выше не позволяет рассматривать конфискацию в качестве «иной меры уголовно-правового характера» как исходя из ее сущности, так и по формальным основаниям. Коль скоро она не вписывается в структуру УК РФ, то должна быть из него исключена.

Следующая группа ученых, полагает, что конфискация, имея уголовно-правовую природу, относится к мерам безопасности [8. С. 60 и др.]. Соглашаясь со сторонниками данного подхода в том, что она в настоящее время обладает всеми их признаками, нельзя при этом признать верным отнесение ее к сфере уголовного права. Строго говоря, в УК РФ допускается существование только тех мер государственного принуждения, которые являются формами реализации уголовной ответственности (наказание и иные меры уголовно-правового характера). Меры безопасности к таковым не относятся и поэтому не могут существовать в УК РФ. Для того, чтобы они могли представлять собой уголовно-правовую меру, необходимо расширять предмет уголовного права, что по сути предлагает сделать Н.В. Щедрин. В частности, он говорит о ненужности понятия «уголовная ответственность». При этом в предмет уголовного права органично впишутся такие четыре вида последствий преступления, как меры наказания, меры поощрения, меры восстановления и меры безопасности [8. С. 59].

Однако согласиться с таким предложением, по нашему мнению, нельзя. Иначе это приведет фактически к безграничному расширению предмета уголовного права и к необходимости пересмотра многих положений УК РФ и, по сути, к принятию нового Кодекса.

Еще одна группа ученых полагает, что конфискация имущества по своей правовой природе является мерой уголовно-процессуальной [9. С. 21 и др.]. По мнению сторонников рассматриваемой точки зрения, она должна дополнить «уголовно-процессуальную» конфискацию, закрепленную в ст. 81 УПК РФ, призванную решать судьбу вещественных доказательств. Чтобы оценить правильность такого подхода, следует установить соответствие этой меры предмету отрасли права, к которой ее предлагается отнести. Уголовно-процессуальное право регулирует комплекс общественных отношений, связанных с установлением преступления, лиц, его совершивших, и привлечением их к уголовной ответственности, а также с установлением круга лиц, участвующих в уголовном производстве и защите их прав. Определение судьбы вещественных доказательств соответствует его предмету только в той части, которая регулирует отношения, связанные с возвращением имущества, признанного вещественным доказательством, законным владельцам, у которых оно было изъято. Эта мера способствует защите законных прав лиц, участвующих в уголовном процессе. Однако конфискация имущества, признанного вещественным доказательством, предмету уголовного процесса не соот-

ветствует. В частности, принудительное, окончательное и безвозмездное его изъятие не помогает установить событие преступления, виновность лица в совершенном преступлении, не выполняет роли обеспечения сохранности вещественных доказательств и так далее. Кроме того, конфискация вещественных доказательств не оказывает никакого влияния на ход уголовного процесса еще и потому, что она применяется на стадии вынесения приговора, т.е. к тому моменту, когда вещественные доказательства уже сыграли свою роль. Она предназначена не для достижения целей уголовного процесса, а имеет ярко выраженный превентивный характер. К примеру, конфискация орудий и средств преступления направлена прежде всего на то, чтобы исключить возможность совершения нового преступления посредством использования этих предметов. Следовательно, она фактически лежит за рамками уголовного судопроизводства.

Подтверждением этого вывода служит также то, что норма о конфискации нелогично расположена и в структуре УПК РФ. Она расположена в главе, посвященной доказательствам в уголовном судопроизводстве. Все иные меры государственного принуждения, направленные на достижение целей уголовного процесса, именуется в УПК РФ «мерами процессуального принуждения» и закреплены (за исключением тех из них, которые направлены на обнаружение, собирание и закрепление доказательств) в отдельном разделе УПК РФ. Конфискация вещественных доказательств в нем отсутствует.

Таким образом, следует прийти к выводу, что конфискация в том виде, в котором она существует в настоящее время в УПК РФ, не является по своей правовой природе мерой уголовно-процессуальной. Следовательно, и «уголовно-правовая» конфискация при ее перемещении в УПК РФ также не впишется в его структуру.

Рассматривая вопрос о правовой природе «новой» конфискации, нам представляется наиболее правильным подход тех авторов, которые относят ее к мерам безопасности. Под ними понимаются «меры некарательного ограничения поведения физических лиц и деятельности коллективных образований, применяемые специально для предотвращения вредоносного воздействия определенного источника повышенной опасности либо ограждения объекта усиленной охраны от вредоносного влияния любых источников опасности» [8. С. 62]. Непосредственной целью всех мер безопасности является защита общества и его членов от опасных посягательств [10. С. 63]. Исходя из такого их понимания, можно сделать вывод, что конфискация, закрепленная в настоящее время в ст. 104.1 УК РФ, обладает всеми признаками этих мер. В частности, она не носит карательного характера, ограничивает поведение лиц, к которым применяется, направлена на предупреждение преступлений. Меры безопасности можно классифицировать по различным основаниям [10. С. 91–107]. В особую группу можно выделить меры, направленные на борьбу с преступностью, – антикриминальные меры безопасности [10. С. 105] или меры криминологической безопасности. Термин «криминологическая безопасность» введен в научный оборот

относительно недавно, однако в научной литературе отсутствует единое его понимание. В этой связи, наиболее обоснованным представляется мнение В.А. Плешакова, который под ним предлагает понимать объективное состояние защищенности жизненно важных и иных существенных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и угроз таких посягательств, порождаемых различного рода криминогенными факторами (явлениями, процессами), а также осознание людьми такой своей защищенности [11. С. 30]. Достоинством предложенного понимания рассматриваемого термина является его соответствие легальному определению «безопасности», содержащемуся в ст. 1 Закона РФ от 5 марта 1992 г. «О безопасности».

В целях борьбы с преступностью меры криминологической безопасности могут использовать различные способы, что позволяет разделить их на два основных вида: связанные с лишением свободы и не связанные с таковым. Однако меры, входящие и в ту, и в другую разновидности, могут использовать различные средства для достижения поставленной цели. В частности, они могут быть связаны либо с лишением и ограничением каких-либо прав и свобод (например, имущественных, трудовых), либо с принуждением, не связанным с такими лишениями или ограничениями (к примеру, воспитание, лечение). Очевидно, что конфискация имеет целью борьбу с преступностью, не связана с лишением свободы и воздействует на лицо, к которому она применяется, посредством лишения или ограничения его имущественных прав. Сказанное позволяет определить ее как имущественную меру криминологической безопасности.

Однако отнесение конфискации к мерам безопасности устанавливает только форму ее существования, но не правовую природу. Чтобы ее установить, необходимо исходить из целей этой меры и пределов их достижения, предмету той или иной отрасли права. Конфискация имеет своей целью борьбу с преступностью, способом достижения которой является принуждение. В юридической литературе обоснованно отмечалось, что предупреждение преступлений, является специфической формой социального управления [12. С. 8], а общественные отношения, возникающие в сфере государственного управления, составляют предмет административного права [13. С. 5–6]. Примерами административно-правовых актов, которые содержат меры, направленные в основном на борьбу с преступностью, могут служить Федеральный закон от 21 мая 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Федеральный закон от 26 февраля 2006 г. «О противодействии терроризму» и др.

Изложенное позволяет сделать вывод, что конфискация в том виде, в котором она в настоящее время закреплена в ст. 104.1 УК РФ и ст. 81 УПК РФ, в большей мере соответствует предмету административного права, т.е. имеет административно-правовую природу.

В итоге нельзя не прийти к выводу, что рассматриваемую меру следует исключить из УК и УПК РФ. Но она по-прежнему должна быть связана с преступлением, представляя собой имущественное последствие его совершения. Ее регламентацию необходимо преду-

смотреть в отдельном федеральном законе. Закрепление конфискации как административно-правовой меры позволит сделать ее более эффективной. В частности,

она сможет строиться на иных принципах, появится возможность ее применения и в отношении юридических лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назаренко Г.В. Конфискация и возмещение ущерба как меры уголовно-правового характера // Следователь. 2006. № 9. С. 4–5.
2. Валеев М.Т. Свойства уголовного наказания в свете теории пенализации. Томск: НТЛ, 2006. 168 с.
3. Ременсон А.Л. О возмездном характере уголовного наказания // Избранные труды. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 17–18.
4. Курганов С. Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. 2007. № 2. С. 59–63.
5. Уткин В.А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 187 с.
6. Уткин В.А. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Проблемы применения нового уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации: Материалы науч.-практ. конф. Томск: Томский филиал РИПК работников МВД России, 1997. С. 4–9.
7. Паспорт проекта Федерального закона № 282601-4 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // КонсультантПлюс: Справ. правовая система. Версия Проф., сетевая. Электрон. дан. М., 2009. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
8. Щедрин Н. Четыре «колеи» российского уголовного права // Уголовное право. 2008. № 4. С. 59–62.
9. Звечаровский И. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1. С. 19–21.
10. Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1999. 180 с.
11. Плешаков В.А. Криминологическая безопасность и ее обеспечения в сфере взаимовлияния организованной преступности и преступности несовершеннолетних: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. 323 с.
12. Прокументов Л.М. Административно-правовое предупреждение правонарушений и преступлений несовершеннолетних. Томск: Пеленг, 2001. 88 с.
13. Козлов Ю.М. Предмет советского административного права. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. 160 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 28 сентября 2009 г.